

Владимир Викторович

Достоевский. Вопрос о народе*

Vladimir Viktorovich

Dostoevsky. The Question of the Folk

Об авторе: Владимир Александрович Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна).

E-mail: VA_Viktorovich@mail

Аннотация: Познание народа и программа воссоединения с ним стали фундаментальной основой всего творчества Достоевского. В статье рассматриваются некоторые этапы становления «народоведения» писателя и его отзвуки в русской истории и культуре. Для него народ, очевидно, не миф и даже не архетип. Это плоть и кровь его творчества. Народным является всё мирозерцание Достоевского, а не только отдельные мотивы и образы. Слагалось это мирозерцание опытами самой жизни: первый приходится на деревенское детство в Даровом, другим стала каторга. Пять летних вакансий в Даровом и четыре года в омском остроге обнаруживают некую глубинную связь.

Разными путями, но вся русская литература XIX века была своеобразным хождением в народ. Ключевую роль в этом процессе сыграли «Записки из Мертвого дома», потому что здесь не сторонний наблюдатель, но человек, который волею судьбы оказался заброшенным в самую гущу народной среды, на себе испытывавшим ее законы. Ему открываются антропологические корни пугачевщины и в то же время в нем зреет почвенническая идея соединения образованного сословия с народом. Сюжет «Записок из Мертвого дома» – постепенное познание русского народа, приближение к нему, а в связи с этим духовная трансформация познающего. Чудо преображения автора («принятие христианства») на путях познания своего народа происходит на метафизической глубине «Записок из Мертвого дома», а впоследствии в самом сжатом изложении передано в рассказе «Мужик Марей» при свете деревенского детства.

Самое распространенное обвинение оппонентов в адрес Достоевского – утопизм, идеализация народа. Однако писатель ничуть не хуже своих противников знал сла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-012-90038 / The research was carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No 18-012-90038.

бости и грехи простонародной массы, предвидел и возможные сценарии, в которых они могут сыграть роковую роль. В «Дневнике писателя» 1881 года Достоевский говорит о том, что необходимо «оздоровление этого великого корня, который есть начало всему». Его концепция народа-богоносца подверглась сокрушительной критике в XX веке. Приводятся некоторые из эпизодов полемики, наиболее адекватным признается прочтение С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: Достоевский, русский народ, эволюция мировоззрения писателя, споры об утопизме.

Для цитирования: Викторович В.А. Достоевский. Вопрос о народе // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4(8). С. 50-67
DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-50-67

About the author: Vladimir A. Victorovich, Doctor of Letters, Professor of the Department of Literature at the Kolomna State University of Humanities and Social Studies (Kolomna).

E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract: The acquaintance with common folk and the reunification with it became a fundamental base of all Dostoevsky's work. The article examines different stages of the establishing of Dostoevsky's "folk studies" and reminiscence of it in Russian history and culture. For Dostoevsky, folk is evidently not a myth, nor even an archetype. It is the flesh and blood of his work. Dostoevsky's worldview is fully popular, not only certain motifs and images. This worldview was shaped by life experiences: the first one was the writer's childhood in Darovoe, the second was hard labor. Five summer vacations in Darovoe and four years in Omsk prison are somehow deeply connected.

In different ways, all Russian 19th century literature was an attempt to go towards the people. A key role in this process was played by the *Notes from the House of the Dead*, where the main character is not an outsider but a person who was thrown by a twist of fate into the depth of the life of his people, and experiences its laws firsthand. Here, he discovers the anthropological roots of "pugachevshchina", and at the same time develops the nativist idea of uniting the educated people with the common folk. The plot of the *Notes from the House of the Dead* consists of gradual acquaintance with the Russian people, an approach to it, that eventually transforms the subject. The miracle of the author's transformation ("the accepting of Christianity") through the acquaintance with his people happens in the metaphysical depth of *The Notes from the House of the Dead*, and later, in a capsule, is told in the story "The Peasant Marey", in the light of the writer's country childhood.

The most widespread accusation against Dostoevsky is of utopia and idealization of common people. But the writer knew, as clear as his opponents, the weaknesses and sins of the masses; he anticipated possible scenarios, where they would come to be fatal. In *A Writer's Diary* (1881) Dostoevsky spoke about the necessity of "sanitation of this great root, which is the origin of everything". His conception of a "God-bearing folk" was eagerly criticized in the 20th century. Here are cited some episodes of the polemic; the version of S.N. Bulgakov is presented as the most adequate.

Key words: Dostoevsky, Russian people, the evolution of a writer's worldview, debates about utopia.

For citation: Viktorovich V.A. Dostoevsky. The Question of the Folk. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 4(8), pp. 50-67
DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-50-67

«Летние чтения в Даровом» продолжаются

Научная конференция «Летние чтения в Даровом» впервые прошла в конце августа 2006 года. Шестые чтения состоялись в нынешнем 2019 году (о них мы предполагаем рассказать в следующем номере журнала). Организаторы конференции – Некоммерческое партнерство «Заповедное Даровое», Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна) и музей-заповедник «Зарайский кремль», филиалом которого является усадьба Достоевских Даровое. Заданное научное направление связано с интерпретацией творческого наследия Ф.М. Достоевского, биографией и родословной писателя, а организующим центром выступает усадьба Даровое: ее место в судьбе писателя, проблемы сохранения, реконструкции и развития музейного комплекса.

Имение Даровое (ныне Зарайский район Московской области) – земля детства Достоевского, воспоминания о которой грели его душу на протяжении всей последующей жизни и нашли отражение во многих произведениях от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых». Программа «Летних чтений в Даровом» формируется по тематическому принципу: каждая конференция посвящена какой-то теме, так или иначе входящей в усадебный контекст. По материалам научных заседаний издаются сборники под тем же названием «Летние чтения в Даровом». В настоящее время вышли четыре сборника по обсуждавшимся темам: «семья и детство по Достоевскому» (2006), «Достоевский в диалоге культур» (2009), «Достоевский и Россия» (2013), «Достоевский и церковь» (2016). Все они представлены на сайте «Заповедное Даровое» (<http://darovoe.ru>).

В настоящее время готовится к печати сборник «V Летние чтения в Даровом», посвященный теме «Достоевский и народ». Одну из статей этого сборника мы предлагаем читателям нашего журнала.

В.В.

В «Дневнике писателя» 1876 года Достоевский утверждает: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее» [Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 44]. Это, конечно, говорит публицист, но я думаю, что и художник Достоевский живёт под знаком этого вопроса. Для него народ, очевидно, не миф и даже не архетип. Это плоть и кровь его творчества. Народным является всё мирозерцание Достоевского, а не только отдельные мотивы и образы.

Слагалось это мирозерцание не столько через теоретические штудии (чтение трудов историков, этнографов, фольклористов, писателей и т. д.), сколько опытами самой жизни. Первые из них приходится на деревенское детство в Даровом. Особенность мелкопоместного быта состояла в тесной близости его с повседневной жизнью крестьян. Этому, судя по всему, способствовал открытый и участливый характер матери писателя, хозяйки имения. По признанию Достоевского, деревня оставила в нём «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь» [Достоевский, 1972-1990, т. 25, с. 172]. Черты народного мирозерцания впитались в духовный состав его личности. Близко знавший его современник свидетельствует: в деревне Достоевский «пробыл лучшие годы своего детства. В эти-то годы он был ближе к крестьянам, их быту и всему нравственному облику русского народа, чем не только интеллигентные и либеральные столичные бюрократы, никогда не бывавшие в деревне в свои детские и юношеские годы, но даже, может быть, и многие из зажиточных столичных столбовых русских дворян, например, граф Алексей Толстой, граф Соллогуб и даже Тургенев (последний ближе познакомился с деревней уже в более поздний период своей жизни, во время своих охотничьих экскурсий), которых родители намеренно держали вдали от всякого общения с крестьянами. Стоит вспомнить показания Андрея Михайловича Достоевского о детстве его брата, слышанное нами сознание самого Ф.М. Достоевского о том, что деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления, и его собственные рассказы о крестьянине Марее и страстные сообщения на вечерах Петрашевского о том, что делают помещики со своими крестьянами, его идеалистическое отношение к освобождению крестьян с землёю и, наконец, его глубокую веру в русский народ, разумея под таковым сельское население – крестьян, чтобы убедиться в том, что Ф.М. Достоевский был *сыном деревни*, а не города» [Семёнов-Тян-Шанский, 1990, с. 299]. Интересно, что другой современник, знавший Достоевского в более поздний период его жизни, подчёркивал в его облике «простонародные черты лица» [Страхов, 1990, 377].

Другим опытом жизни, определившим духовный облик писателя, стала каторга. Пять летних вакаций в Даровом и четыре года в омском остроге обнаруживают некую глубинную связь. «Я узнал практически, – писал Достоевский Майкову 18 января 1856 года о своём каторжном опыте, – и то, что я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем» [Достоевский,

1972-1990, т. 28₁, с. 209]. Чуть раньше, только что выйдя из каторги, в письме к брату: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 173]. Он пережил возврат к народному корню, проросшему в нём ещё в детстве, что и показал в «Записках из Мёртвого дома». Остановимся чуть подробнее на этом ключевом произведении писателя, да и всей русской литературы.

Нестерпимая каторжная мука, как пишет Достоевский, – «вынужденное общее сожительство», вид несвободы. Эта вынужденность усложнялась тем, что Достоевский был дворянин, и на одних с ним нарах оказались простые мужики, народ, который враждебно относился к «барам», чужакам. Достоевский на собственном опыте открывает «глубочайшую бездну», разделившую народ и образованное сословие. Он пишет по этому поводу: «Как ни будь он [дворянин] справедлив, добр, умён, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное – не поверят ему. <...> Не свой человек, да и только» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 198].

Автор по этому поводу предлагает полуметафору запаха: мужик по запаху может отличить своего от чужого. У разъединения сословий были глубокие исторические корни, оно окончательно оформилось при Петре I. Полвека спустя, накануне революционной катастрофы, Блок с болью будет говорить о вражде народа к интеллигенции. Эту копившуюся ненависть Достоевский ощутил на собственной шкуре.

Русская литература XIX века едва ли не главной целью поставила соединить разошедшиеся половинки, прежде всего путём познания своего народа. У Пушкина и Лермонтова Достоевский обнаруживает ещё пока не утраченную способность органически сродниться с народным сознанием. «Пушкин любил всё, что любит этот народ, чтил всё, что тот чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был <...> человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его» [Достоевский, 1972-1990, т. 26, с. 116]. Достоевский особенно ценил такие «перевоплощения», как стихотворение Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем», «Песня про купца Калашникова» Лермонтова. К тому же Пушкин взялся *изнутри* исследовать феномен пугачёвщины, угадав надвигающуюся национальную катастрофу.

Начиная с Гоголя («Тарас Бульба», «Мёртвые души») русская литература заняла позицию внимательного и сочувственного наблюдателя народной жизни. По этому пути затем пошли Тургенев

(«Записки охотника», «Постоялый двор», «Муму»), Григорович («Деревня», «Антон-Горемыка»), Писемский («Плотничья артель»), Лев Толстой («Утро помещика», военные рассказы, «Севастопольские рассказы», «Казачи», «мысль народная» в романах), Салтыков-Щедрин (народные главы в «Губернских очерках»). Это были зоркие наблюдатели, однако всё-таки со стороны, на что обратил внимание Достоевский в набросках 1870 года: «Их изучения, хоть и точные (Лев Толстой, Тургенев), как бы чуждую жизнь открывают. Один Пушкин настоящий русский» [Достоевский, 1972-1990, т. 9, с. 138]. Перевоплощение же на манер пушкинско-лермонтовского нашло своё продолжение в поэзии Некрасова, где порою без посредничества зазвучали народные голоса. Можно вспомнить Лескова, который вот эту стихию народной жизни, её смех и горе и её праведничество передавал в сказовых стилизациях. Разными путями, но вся русская литература XIX века была своеобразным хождением в народ. Русские писатели открывали свой собственный народ, как Колумб Америку. Совершенно особую роль в этом процессе сыграли «Записки из Мёртвого дома», потому что здесь не совсем уж сторонний наблюдатель, здесь человек, который волею дальновидной судьбы оказался заброшенным в самую гущу народной среды, на себе испытал её законы и близко услышал её голоса. Одно дело – со своей колокольни наблюдать народную жизнь, а другое – оказаться, хотя бы на время, внутри неё. Этот переход границы произвёл потрясающий эффект.

Обратимся к исключительной силы эго-документу, созданному Достоевским буквально через неделю после выхода с каторги. Это письмо к брату 30 января – 22 февраля 1854 года, своеобразный конспект будущей книги, которая напишется через пять лет. Вот что он здесь говорит: «Это народ грубый, раздражённый и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуды, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений. “Вы дворяне, железные носы, нас заклевали...” [эта фраза потом перейдёт и в книгу. – В.В.] – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали,

и неподклонимостию их воле» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 169-170]. Бывшему петрашевцу открылась истина, когда-то потрясшая Пушкина в картине бунта 1831 года, нарисованной в письме к нему очевидца, Н.М. Коншина: «Как свиреп в своём ожесточении народ русской! Жалеют и истязают; величают вашим высокоблагородием и бьют дубинами, — и это всё вместе» [Пушкин, 1941, т. 14, с. 216].

По признанию Достоевского, тяжело переносились им унижительные для цивилизованного человека бытовые условия, которые создавались не только начальством. Они создавались и самими простолюдинами, привыкшими жить в таковых условиях. «Все каторжные воняют как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать, “живой человек”. <...> Прибавь ко всем этим приятностям <...> вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крик, шум, гам...» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 170-171].

Вот испытания, которые могли сломить. И ломались люди интеллигентные, дворяне, для которых даже чисто бытовые, а не только нравственные испытания, были чрезвычайные. Но в этом же письме мы находим, в конце, поразительные на этом фоне строки о том, что «люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 172].

Это открытие «золота, золота, сердца народного» (пользуясь уже формулой Некрасова) стало для послекаторжного Достоевского определённой программой. Она получила тогда название «почвы». Кстати, именно основоположник почвенничества А.А. Григорьев первый заметил, что Достоевский выделяется среди плеяды писателей-народолюбцев: он «достиг страдательным психологическим процессом до того, что в “Мёртвом доме” слился совсем с народом», и поставил его рядом с Пушкиным [Григорьев, 1967, с. 483]. Достоевский также разрабатывал теоретические основы почвенничества в качестве публициста начала 1860-х годов, но в «Записках из Мёртвого дома» мы можем видеть тот путь души, который он проделал не только идеологически, не только в воображении, но всецело жизненным процессом. Например, вот он для себя решает, как надо держаться с ненавидящей его толпой каторжников. Прочитую: «...я решил, что надо держать себя как можно проще и независимее <...>. Отнюдь не сближаться с ними на некоторых известных пунктах

и не давать потачки некоторым их привычкам и обычаям, одним словом – не напрашиваться самому на полное их товарищество. <...> они первые презирали бы меня за это» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 76]. От него как от дворянина все ожидали, что он будет брезговать, ломаться, «белоручничать». И, уверяет повествователь, наверняка его бы даже за это уважали.

Но, продолжает он, «такая роль была не по мне; я никогда не бывал дворянином по их понятиям; но зато я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 76-77]. В этих словах Горянчикова зреет почвенническая идея соединения образованного сословия с народом, когда, как потом скажет Достоевский, надо принять идеалы народа, но при этом не надо жертвовать тем, что у нас есть, – образованием, образом мысли, здесь должно быть какое-то взаимное понимание.

Горянчиков продолжает: «...я наверно знал, что потом они принуждены будут переменить обо мне своё мнение» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 77]. Вот школа практической идентификации себя как части народа, которую прошёл Достоевский. В цитированном выше письме А.Н. Майкову 18 января 1856 года мы находим уже выношенную, выстраданную позицию: «Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушные, потому собственно, что мог понять его; ибо был сам русским. Несчастье моё дало мне многое узнать практически, <...> я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 208-209].

Обратимся к описанию этого самого народа, к которому такую трудную дорогу пробивает автор «Записок из Мёртвого дома». Что бросается в глаза? Некоторые, скажем так, не очень приятные качества. «Тщеславие и заносчивость свойственны почти всем арестантам без исключения» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 48]: «Покуражиться арестант ужасно любит, то есть представиться пред товарищами и уверить даже себя *хоть на время*, что у него воли и власти несравненно больше, чем кажется <...>: вот отчего, может быть, в арестантах, даже и в трезвом виде, замечается всеобщая склонность к куражу, к хвастовству, к комическому и наивнейшему возвеличению собственной личности, хотя бы призрачному» [Достоевский, 1972-1990,

т. 4, с. 66]. Желание потщеславиться, приподнять себя, доказать в чём-то (неважно, в чём) своё первенство... Эти страстишки и до сих пор волнуют мужские компании, а на каторге желание заявить свою личность доходило, как говорит автор, до некоторого даже буйства, «до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 67].

По существу, Достоевский описывает некий психологический механизм болезненного самоутверждения личности, когда человек, как он говорит, даже пьянеет и доходит до судорог. Перед нами, по существу, открываются антропологические корни пугачёвщины. «Положим, он мужик, дворовый человек, мещанин, солдат. Вдруг у него что-нибудь сорвалось; он не выдержал и пырнул ножом своего врага и притеснителя. <...> перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой...» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 87-88].

Рассказывается в «Мёртвом доме» история Лучки, который пырнул ножом начальника за то, что тот над ним немножечко так покуражился, и по этому поводу автор замечает: «...вообще раздражает нижний чин всякая свысока небрежность, всякая брезгливость в обращении с ними. <...> Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а всё-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. <...> Боже мой! да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнул образ Божий» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 91]. Общий сюжет «Записок из Мёртвого дома» объединяет очень разные истории. Перед нами разворачивается калейдоскоп жизненных катастроф, в которых выявляются основные типы народных характеров, и все они объединяются неким метасюжетом познания. Это повествователь пытается понять собравшуюся компанию, что не сразу ему даётся.

В книге постоянно говорится о трудностях познания, а уж первый, самый запомнившийся год проживания на каторге был во всех смыслах самый тяжёлый. «В этот первый год от этой тоски, – говорит Горянчиков, – я многого не замечал кругом себя. Я закрывал глаза и не хотел всматриваться. Среди злых, ненавистных моих товарищей-каторжников я не замечал хороших людей, людей способных и мыслить и чувствовать, несмотря на всю отвратительную кору, по-

крывавшую их снаружи. Между язвительными словами я иногда не замечал приветливого и ласкового слова» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 178-179]. На эволюции своих представлений о каторжном народе повествователь особенно настаивает: «я потом изменился в моём взгляде», «если б мог только знать тогда», «между враждебным я тогда не угадывал отрадное» и так далее.

Открытие образа Божия в столь ненавистных товарищах происходит, во-первых, через тех действительно светлых людей, которых неожиданно здесь встречает повествователь. Это дагестанец Алей, это Баклушин, это те люди, которые обращают к нему приветливое, ласковое слово, которые сочувствуют ему, но он, во всяком случае в первый год своего существования на каторге, этих людей не очень-то хочет замечать.

Настоящее открытие, переворот в познании народной массы происходит ровно в центре книги, в 11-й главе, которая называется «Представление» и рассказывает об острожном театре, когда каторжники во время Рождества разыгрывают, с позволения начальства, некоторые комические сцены. Эпизоду с театром предшествует описание, как каторжники готовятся к разговению, к церковной службе (которая, к слову сказать, возвращает автора к воспоминаниям деревенского детства), между ними царит удивительное согласие и мир, но к концу дня всё вновь возвращается на круги своя, к привычной пьяной сваре. Но вот через несколько дней открывается самодельный театр, который поражает воображение рассказчика. «Можно было даже удивляться, смотря на этих импровизированных актёров, и невольно подумать: сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и в тяжкой доле!» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 128]. А ведь это те же самые, недавно столь презираемые им каторжники.

На экваторе книги происходит нечто и с самими каторжниками: их театр что-то сделал с ними, поэтому, когда они расходятся после представления, споров и обычных свар не слышно, они вдруг кончаются, на какое-то время, конечно. Это открытие дальше ведёт автора к более глубокому пониманию сущности «русский народ» «В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его. И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманье и собственного и чужого страдания,

что у вас как бы глаза открываются...» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 197-198].

В 1870-е годы, возвращаясь к этой теме, Достоевский в записной тетради отметил: «Разбойник многому меня научил» [Достоевский, 1972-1990, т. 24, с. 106]. Стоит хотя бы перечислить некоторые штрихи национального характера, замеченные тогда Достоевским. Русский народ – «небрезглив и негядлив даже до крайности». Грязь в казарме, тараканы в щах и так далее – ко всему каторжники относятся с философским равнодушием. Русский человек не осуждает пьянства, напротив, пьяницы даже как-то ему симпатичны, он всегда готов им сочувствовать и соболезовать. Он умеет переносить боль: очень много таких эпизодов, особенно связанных с телесными наказаниями. Поразительно его терпение. Русский народ «готов забыть целые муки за одно ласковое слово». И в то же время: «В русском характере столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмешки над первым собою... Может быть, от этого постоянного затаённого недовольства собою и было столько нетерпеливости у этих людей в повседневных отношениях друг с другом, столько непримиримости и насмешки друг над другом» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 196].

Наряду с этими штрихами следует назвать главнейший, который как раз проявляется в эпизоде с театром. Там есть такая ситуация. В казарму («театр») набивается множество людей, все хотят видеть представление, но, когда приводят повествователя-дворянина, ему уступают лучшее место перед самой сценой: «Они признавали, что в этом я могу судить лучше их». В таком признании прав образованности и компетентности не было никакого принижения себя, напротив. «Высшая, – пишет Достоевский, – и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 121]. Вот важнейшее из открытий: чувство справедливости составляет живой корень народной этики! «Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 121-122].

Сюжет «Записок из Мёртвого дома» – постепенное познание русского народа, приближение к нему, а в связи с этим трансформация самого рассказчика. Ему становится как-то легче переживать все эти неудобства, тяготы, и он находит возможность даже примириться,

как он пишет, с этой жизнью, вернее, не примириться, но «признать за совершившийся факт».

Мудрость терпения приходит к повествователю от того самого, поначалу столь ненавистного, народа. «Я знал своё место на нарах и даже, по-видимому, привык к таким вещам, к которым думал и в жизнь не привыкнуть» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 78]. В другом месте: «до какой чудовищной степени приживчив человек» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 56]. Эту мысль потом мы встретим в «Преступлении и наказании», в пренебрежительной фразе юного максималиста Раскольникова: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 25]. Горянчиков-Достоевский предлагает ту же мысль в несколько иной огласовке: «Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 10]. Здесь есть, конечно, доля горькой иронии и даже сарказма, но есть и парадоксальная народная мудрость жизни, которую с таким трудом познаёт повествователь.

Здесь он подаёт руку А.И. Солженицыну, у которого в «Одном дне Ивана Денисовича» герой не выживает, а именно живёт полнокровно и полноценно несмотря ни на что¹. А в конце рассказа говорится, что описан один из счастливых дней его жизни на каторге. Счастливых – на каторге! Счастье – в самой жизни больше, чем в условиях её, не в этом ли искомая истина, выжитая народом веками его истории?

Чудо преображения автора на путях познания своего народа происходит на метафизической глубине текста «Записок из Мёртвого дома»; наглядно показано, как человек может остаться человеком в нечеловеческих условиях. Лев Толстой считал, что это лучшая книга, написанная во всей русской литературе, а может быть, даже и в мировой, и он подчёркивал, что самое ценное в ней – это именно точка зрения, то постижение народного духа, через которое проходит повествователь.

Через два десятилетия на закате жизни Достоевский ещё раз вернулся к осознанию происшедшего с ним «геологического переворота» и передал его смысл в сжатой до предела новеллистической форме рассказа «Мужик Марей». Замечательно здесь и то, что вновь сошлись вместе два главных опыта народознания писателя – деревня детства и каторга. Важно также понять, что без первого опыта не было

¹ «Записки из Мёртвого дома», как верно замечает современный исследователь, «это история не выживания, а жизни в условиях Мёртвого дома» [Акелькина, 2008, с. 75].

бы и *такого* второго, как без фундамента нет здания. «Эти воспоминания [деревенского детства], – признаётся Достоевский, – дали мне возможность пережить в каторге» [Достоевский, 1972-1990, т. 24, с. 107], то есть пройти тот спасительный путь познания, о котором мы говорили. Он сочувствует полякам, у которых не было такого же фундамента, и им оставалось только ненавидеть эту «дикую орду».

Народ навсегда остался большой темой Достоевского, она пунктирно проходит и через его «великое пятикнижие». В «Преступлении и наказании» это Миколка с его идеей пострадать, но там есть другой Миколка, что забивает савраску под улюлюканье толпы (детское воспоминание Раскольникова – не отзвук ли авторской памяти детства?). Под издёвки пьяниц рассказывает свою жизнь Мармеладов, насмешки толпы остужают коленопреклонение Раскольникова на площади, наконец, каторжники в эпилоге не приемлют нашего героя, зато боготворят Сонечку.

В «Идиоте» это рассказы Мышкина об уличных встречах: о пьяном солдате, продавшем нательный крест, о простой бабе, высказавшей глубочайшую мысль о Боге как об отце. В «Бесах» Степан Трофимович выходит на большую дорогу (недостижимый Спасов на его пути – не криптограмма ли Дарового?) и соприкасается с народом, но в романе есть и другое – Федька Каторжный, кутёж народный, пожары, самосуд толпы. В «Подростке» носителем народного правдоискательства выступает странник Макар Иванович (деревня детства проникает и в этот роман). В «Дневнике писателя» приближения Достоевского к народной сути – «Влас», «Мужик Марей», «Столетняя», воспоминание о сгоревшем имении и сердечном движении Алёны Фроловны, путешествие в неназванное Даровое... В «Братьях Карамазовых» это народ в келье старца Зосимы, мужички-присяжные, засудившие Дмитрия, местная юродивая² или вот, скажем, выход в народ Коли Красоткина, описанный с большим юмором: как можно раздражить народную глупость и как вдруг среди глупцов обнаруживаются умники. Народ есть и в поэме о Великом инквизиторе: Тот, Кто печалится о народе, народом и предан. Во всех романах мы наблюдаем такие

² «Читая впоследствии в романе брата Фёдора Михайловича, "Братья Карамазовы", историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминал нашу [даровскую] дурочку Аграфену» [Воспоминания..., 1930, с. 63].

вот вроде периферийные народные сценки, которые образуют смысловой контекст основного действия.

В очерке «Влас» («Дневник писателя» 1873 года) Достоевский рисует двух нигилистов из народа, готовых на кощунственную провокацию. Достоевский обнаруживает в этих героях склонность русского человека «к самоотрицанию и саморазрушению». Это черта народного характера. «Но зато, – говорит дальше Достоевский, – с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдёт до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда» [Достоевский, 1972-1990, т. 21, с. 35].

Финал «Власа» оставляет надежду несмотря на то, что народ, судя по всему, закутил, и о нём рассказывают всякие ужасы, реальные ужасы (пьянство, разбой, пьяные матери, пьяные дети, цинизм, нищета, бесчестие, безбожие), и в то же время Достоевский рассчитывает вот на эту последнюю черту. На ней строится и сюжет некрасовского «Власа», и сюжет одноимённого очерка Достоевского. «В последний момент, – говорит он, – вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнётся Влас и возьмётся за дело Божие. Во всяком случае спасёт себя сам, если бы и впрямь дошло до беды» [Достоевский, 1972-1990, т. 21, с. 41]. Это 1873 год, «до беды» осталось 44 года.

Самое распространённое обвинение оппонентов в адрес Достоевского – утопизм, идеализация народа. Однако мы уже видели (и эти примеры можно умножить), что писатель прекрасно, не хуже своих противников, знал слабости и грехи простонародной массы, предвидел и возможные сценарии, в которых они могут сыграть роковую роль. Однако это знание не разрушало в нём веры, основанной на соприкосновении с теми началами народной психеи, которых не замечают либеральные скептики. Самому авторитетному из них, К.Д. Кавелину (в ответ на его «Письмо Ф.М. Достоевскому» в ноябрьском «Вестнике Европы» 1880 года) Достоевский готовил, но не успел завершить обстоятельный ответ. В черновых набросках писатель иногда не сдерживает эмоций, понимая, что его всё равно не услышат: «Да когда кончатся наконец эти барины (свысока на народ). <...> отрицаете духовные свойства русского народа. Вы никогда не видали красного цвета, а я вам буду говорить о нём» [Достоевский, 1972-1990, т. 27, с. 55].

Главный аргумент Достоевского, терпеливо повторяемый: надо судить народ «не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» [Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 43].

Что это за «великие и святыя вещи»? В «Записках из Мёртвого дома», напомним, Достоевский говорит, что высшая и самая резкая черта нашего народа – чувство справедливости. А потом, чуть позже, в статье «Книжность и грамотность» он напишет, что особенность русского народа – «бессознательная и чрезвычайная стойкость в своей идее, <...> ничем не смущаемая вера в справедливость и в правду» [Достоевский, 1972-1990, т. 19, с. 18]. Через 20 лет после этого в «Дневнике писателя» 1881 года Достоевский заговорит о том, что необходимо «оздоровление этого великого корня, который есть начало всему. Да, он духовно болен, о, не смертельно: главная, мощная сердцевина его души здорова, но всё-таки болезнь жестока. <...> Ищет народ правды и выхода к ней беспрерывно и всё не находит» [Достоевский, 1972-1990, т. 27, с. 16]. В «Братьях Карамазовых» старец Зосима произнесёт вещие слова: «Берегите же народ и оберегайте сердце его <...> ибо сей народ – богоносец» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 285].

В «Дневнике писателя» 1881 года вновь провозглашается идея сбережения народа, которая когда-то, ещё в XVIII веке, в елизаветинские и екатерининские времена, была высказана Петром Ивановичем Шуваловым и дошла до наших дней, до степени «национальной идеи», как её сформулировал А.И. Солженицын.

Но что такое «народ-богоносец», вот это выражение, которое давно уже на всех ветрах треплется и поносится? Один из героев Набокова в «Машеньке» говорит: «Богоносец оказался серой сволочью». Нечто похожее мы слышим в «Белой гвардии», в «Днях Турбиных» Михаила Булгакова. Николай Бердяев в 1918 году на страницах веховского сборника «Из глубины» решительно заявляет: «Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции» [Бердяев, 1991, с. 78]³. Полномочным представителем «массы народной», по Бердя-

³ Ещё раньше напуганный первой русской революцией и открывшимся образом «зверя» в народе, Д.С. Мережковский ничтоже сумняшеся уличил Достоевского: «...в соблазнительном учении о новом Израиле, русском народе-богоносце, в учении о народобожестве, которое есть скрытое человекобожество: делать Богом народ <...> – такое же отступление от истинного Бога, как делать человека Богом» [Мережковский, 1990, с. 100].

еву, оказался Смердяков, он же и «осуществляет» «атеистическую революцию» [Бердяев, 1991, с. 75-76]⁴.

Эту проблему обсуждают и герои «Современных диалогов» Сергея Булгакова, которые назывались «На пиру богов. Pro и contra». Это тоже 1918 год и тот же сборник «Из глубины» (статья Булгакова напечатана здесь следом за статьёй Бердяева, создавая своеобразный контрапункт разошедшихся сотоварищей). Один из участников этих диалогов, Дипломат – там все герои называются не по именам, а по их профессии, – говорит примерно то же, что Бердяев: Достоевский был «роковой для России человек <...>, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха» [Булгаков, 1993, т. 2, с. 589]. Тем не менее Дипломату возражает Писатель: «Не знал он, что ли [Достоевский], звериного образа, злодея и кощунника в русском народе? Знал отлично, но он ему не верил, потому что созерцал иную реальность» [Булгаков, 1993, т. 2, с. 592]. Общественный деятель – ещё один участник диалога – смущён и не может понять, как Достоевский мог так замечтаться, как мог сказать такое: «Пусть в нашем народе зверство и грех, но в своём целом он никогда не принимает своего греха за правду» [Булгаков, 1993, т. 2, с. 592]⁵.

И Писатель – это явно такой автобиографический герой Булгакова – находит силы победить сомнения «в минуты роковые»: «Отвечу вам без всякого лукавства и уклончивости. Верую и исповедую, как и раньше, что идеал у народа Христос, иного у него нет. И когда по грехам и слабости своей он об этом забывает, то сразу оказывается зверем, сидящим во тьме и сени смертной. <...> Но верую, как и прежде, что через русский народ придёт спасение миру, что ему предложит не только великое будущее, но и решающее слово в судьбах мира. Верую и в святую богоносную русскую землю, хотя и поруганную и осквернённую братской кровью, но хранящую святых русских» [Булгаков, 1993, т. 2, с. 592-593]. Вот слова, которые сказаны в разгар революции, начала Гражданской войны. Хочется надеяться (среди

⁴ Эта мысль Бердяева получила развитие в предложенной В. Кантором программе «растожествления» европоцентричной русской интеллигенции со смердяковщиной, кою несёт в себе «мужик, *смерд* – в его грядущем непременном развитии» [Кантор, 2001, с. 452]. Исследователь смело (впрочем, снова припомним Д.С. Мережковского) подвергает деконструкции самые заветные убеждения писателя. «За истовой верой в народ, – полагает В. Кантор, – стояло у Достоевского сомнение и тайное неверие» [Кантор, 2001, с. 461].

⁵ Неточно цитируется «Дневник писателя» за 1880 год [Достоевский, 1972-1990, т. 26, с. 152].

новых толков: «народ закончился, осталось население»), что в этом споре «на пиру богов» был прав Писатель.

Список литературы

1. Акелькина, 2008 – *Акелькина Е.А.* «Записки из Мёртвого дома» // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 74-77.
2. Бердяев, 1991 – *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Новости, 1991. С. 49-90.
3. Булгаков, 1993 – *Булгаков С.Н.* На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 564-626.
4. Воспоминания..., 1930 – [Достоевский А.М.] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1930. 426 с.
5. Григорьев, 1967 – *Григорьев А.* Литературная критика. М: Художественная литература, 1967. 632 с.
6. Кантор, 2001 – *Кантор В.* Русский европеец как явление культуры. Философско-исторический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 704 с.
7. Мережковский, 1990 – *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 86-118.
8. Пушкин, 1941 – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. 578 с.
9. Семёнов-Тян-Шанский, 1990 – *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 642 с.
10. Страхов, 1990 – *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Фёдоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 642 с.

References

1. Akel'kina E.A. "Zapiski iz Mertvogo doma" [*Notes from the House of the Dead*]. *Dostoevskii: sochineniia, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: works, letters, documents: reference dictionary], ed. by G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2008, pp. 74-77. (In Russ.)
2. Berdiaev N.A. Dukhi russkoi revoliutsii [Spirits of Russian revolution]. *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revoliutsii* [From the depth. Collection of articles about Russian revolution]. Moscow, Novosti Publ., 1991, pp. 49-90. (In Russ.)
3. Bulgakov S.N. Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi [On the feast of gods. Pro and contra. Contemporary dialogues]. *Bulgakov S.N. Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Nauka, 1993, vol. 2, pp. 564-626. (In Russ.)
4. [Dostoevskii A.M.] *Vospominaniia Andreia Mikhailovicha Dostoevskogo* [A.M. Dostoevsky's memoirs]. Leningrad, Izd. pisatelei v Leningrade Publ., 1930. 426 p.

5. Grigor'ev A. *Literaturnaia kritika* [Literary critics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1967. 632 p. (In Russ.)
6. Kantor V. *Russkii evropeets kak iavlenie kul'tury. Filosofsko-istoricheskii analiz* [Russian European as a cultural phenomenon]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2001. 704 p. (In Russ.)
7. Merezhkovskii D.S. Prorok russkoi revoliutsii. K iubileiu Dostoievskogo [A prophet of Russian revolution. To Dostoevsky's anniversary]. *O Dostoievskom. Tvorchestvo Dostoievskogo v russkoi mysli 1881-1931 godov* [About Dostoevsky. Dostoevsky's works in the Russian thought of 1881-1931]. Moscow, Kniga, 1990, pp. 86-118 (In Russ.)
8. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow – Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1941. Vol. 14. 578 p. (In Russ.)
9. Semenov-Tian-Shanskii P.P. Iz "Memuarov" [From "The Memoirs"]. *F.M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [F.M. Dostoevsky in his contemporaries' memoirs: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. Vol. 1. 642 p. (In Russ.)
10. Strakhov N.N. Vospominaniia o Fedore Mikhailoviche Dostoievskom [Memoirs about F.M. Dostoevsky]. *F.M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [F.M. Dostoevsky in his contemporaries' memoirs: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. Vol. 1. 642 p. (In Russ.)